

КЛУБ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Эдвин Арлингтон Робинсон

ДОМ НА ХОЛМЕ

Эдвин Робинсон

Дом на холме

«Цитата Плюс»

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

Робинсон Э. А.

Дом на холме / Э. А. Робинсон — «Цитата Плюс»,

ISBN 978-5-906318-11-4

Сборник знакомит читателей с творчеством американского поэта Эдвина Арлингтона Робинсона. Переводы были выполнены для творческого вечера «Клуба поэтического перевода» (структурного подразделения ГОНЭФ «Языковая среда»), прошедшего 21 декабря 2014 года в секторе иностранной литературы МУК ЦБС г. Рыбинска БИЦ «Радуга». «Клуб поэтического перевода» был создан в 2012 году по инициативе заведующей сектора иностранной литературы БИЦ «Радуга» Алевтины Антиповой и кандидата филологических наук Алексея Чернышева. За это время провёл немало творческих встреч, посвященных таким поэтам, как, например, Джордж Гордон Байрон, Эдгар По, Редьярд Киплинг, Роберт Берне, Альфред Теннисон.

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7США)

ISBN 978-5-906318-11-4

© Робинсон Э. А.

© Цитата Плюс

Содержание

Dear friends	5
Друзьям	6
The story of the ashes and the flame	7
Рассказ о пламени и золе	8
On the night of a friend's wedding	9
В ночь после свадьбы друга	10
The house on the hill	11
Дом на холме	12
Luke Havergal	13
Люк Хэвергол	14
The clerks	15
Служащие	16
The world	17
Мир	18
Charles Carville's eyes	19
Глаза Чарльза Карвилла	20
Atherton's gambit	21
Гамбит Атертона	22
Ballade of a ship	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эдвин Арлингтон Робинсон

Дом на холме

Dear friends

Dear friends, reproach me not for what I do,
Nor counsel me, nor pity me; nor say
That I am wearing half my life away
For bubble-work that only fools pursue.
And if my bubbles be too small for you,
Blow bigger than your own: the games we play
To fill the frittered minutes of a day,
Good glasses are to read the spirit through.

And whoso reads may get him some shrewd skill;
And some unprofitable scorn resign,
To praise the very thing that he deplores;
So, friends (dear friends), remember, if you will,
The shame I win for singing is all mine,
The gold I miss for dreaming is all yours.

Друзьям

Друзья, не тратьте на упрёки слов,
Мне не нужна ни жалость, ни совет,
Пусть на воздушный замок – дар глупцов
Истратил я счастливых много лет.
Пусть он для вас и мал, и неказист,
Но мелочи, в которых жизнь прошла,
Являют всем, насколько дух наш чист,
Правдивей, чем иные зеркала.

Пусть кто-нибудь мои стихи прочтёт —
Он выгод для себя не обретёт,
Но то, что презирал, благословит...
Пусть за стихи я обречён на стыд —
Чего лишился, жизнь отдав мечтам —
Друзья мои, я оставляю вам!

Перевод П. Ефимовой

The story of the ashes and the flame

No matter why, nor whence, nor when she came,
There was her place. No matter what men said,
No matter what she was; living or dead,
Faithful or not, he loved her all the same.
The story was as old as human shame,
But ever since that lonely night she fled,
With books to blind him, he had only read
The story of the ashes and the flame.

There she was always coming pretty soon
To fool him back, with penitent scared eyes
That had in them the laughter of the moon
For baffled lovers, and to make him think —
Before she gave him time enough to wink —
Her kisses were the keys to Paradise.

Рассказ о пламени и золе

Откуда, и когда, и почему
Она явилась – пусть судачит свет.
Что любит он, достаточно ему,
Жива ль, мертва ль, верна ли или нет!
Как первородный грех, рассказ тот стар, —
С их первой ночи он и слеп, и глуп,
Един финал истории: пожар
Лишь уголь оставляет да золу.

Пусть сотни раз вернётся, обольстит,
Изобразив в глазах притворный стыд!
Небесная, неверная луна
С улыбкой лживой! Но она- одна...
И думать ли об этом, ведь на миг
Он рай в её объятиях постиг.

Перевод П. Ефимовой

On the night of a friend's wedding

If ever I am old, and all alone,
I shall have killed one grief, at any rate;
For then, thank God, I shall not have to wait
Much longer for the sheaves that I have sown.
The devil only knows what I have done,
But here I am, and here are six or eight
Good friends, who most ingenuously prate
About my songs to such and such a one.

But everything is all askew to-night, —
As if the time were come, or almost come,
For their untenanted mirage of me
To lose itself and crumble out of sight,
Like a tall ship that floats above the foam
A little while, and then breaks utterly.

В ночь после свадьбы друга

Когда я буду стар и одинок,
Пожалуй, что не стану горевать,
Ведь, слава Богу, не придется ждать
Плодов от зерен, что посеять смог.
Не знаю, будто чёрт меня стращал,
И вот я здесь, друзья уж за столом
Бесхитростно беседуют о том,
Кому же я все песни посвящал.

Нет, всё не так, но час приходит мой:
Пустые представления обо мне
Забылись и пропали с глаз долой,
От миража ни капли не осталось,
Как парусник, взлетевший на волне,
Внезапно разбивается о скалы.

Перевод Е. Матвеева

The house on the hill

They are all gone away,
The House is shut and still,
There is nothing more to say.

Through broken walls and gray
The winds blow bleak and shrill:
They are all gone away.

Nor is there one to-day
To speak them good or ill:
There is nothing more to say.

Why is it then we stray
Around the sunken sill?
They are all gone away,

And our poor fancy-play
For them is wasted skill:
There is nothing more to say.

There is ruin and decay
In the House on the Hill:
They are all gone away,
There is nothing more to say.

Дом на холме

Они ушли совсем,
Заброшен дом и сад,
Нет слов и голос нем.

И сквозь обломки стен
Ветра во тьме шумят:
Они ушли совсем.

Ни хорошо, затем,
Ни плохо не сказать:
Нет слов и голос нем.

Тогда в окно зачем
Свой направляем взгляд?
Они ушли совсем.

Ни тех людей, ни сцен
Нет смысла представлять:
Нет слов и голос нем.

Дом на Холме лишь тлен,
Руины и распад:
Они ушли совсем,
Нет слов и голос нем.

Перевод Е. Матвеева

Luke Havergal

Go to the western gate, Luke Havergal,
There where the vines cling crimson on the wall,
And in the twilight wait for what will come.
The leaves will whisper there of her, and some,
Like flying words, will strike you as they fall;
But go, and if you listen she will call.
Go to the western gate, Luke Havergal —
Luke Havergal.

No, there is not a dawn in eastern skies
To rift the fiery night that's in your eyes;
But there, where western glooms are gathering,
The dark will end the dark, if anything:
God slays Himself with every leaf that flies,
And hell is more than half of paradise.
No, there is not a dawn in eastern skies —
In eastern skies.

Out of a grave I come to tell you this,
Out of a grave I come to quench the kiss
That flames upon your forehead with a glow
That blinds you to the way that you must go.
Yes, there is yet one way to where she is,
Bitter, but one that faith may never miss.
Out of a grave I come to tell you this —
To tell you this.

There is the western gate, Luke Havergal,
There are the crimson leaves upon the wall.
Go, for the winds are tearing them away, —
Nor think to riddle the dead words they say,
Nor any more to feel them as they fall;
But go, and if you trust her she will call.
There is the western gate, Luke Havergal —
Luke Havergal.

Люк Хэвергол

Люк Хэвергол, да, к западным вратам,
Туда, где плющ багряный льнет к стенам,
Иди и жди, что сумрак принесет.
О ней зашепчут листья, горсткой слов
Задевши, опалив, падут к ногам;
Иди же, зов ее услышишь там.
Люк Хэвергол, да, к западным вратам,
К вратам, к вратам.

Нет, не горит восток небес зарей,
Рассвет не ломит ночи огневой.
Смотри, стекается на запад мрак,
И мглу поглотит мгла. Бог, как-никак,
Сорвал хоть лист – покончил сам с собой;
Почти такой же ад, как рай, большой.
Нет, не горит восток небес зарей,
Нет, не зарей.

Из мира мертвых выйдя, говорю,
Теперь я поцелуй с тебя сотру,
Что обжигает пламенем чело,
Слепит, – иди куда давно влекло.
Да, можно быть с ней рядом в том долу —
Путь горький, вере все ж он по нутру.
Из мира мертвых выйдя, говорю,
Я говорю.

Ворота западные, Хэвергол,
На стенах огненный плюща узор,
Доверься и ее услышишь зов.
Не бейся над загадкой мертвых слов,
Падут пусть листьями, что ветер смел,
Сметает, больше их не тронь. Пошел!
Ворота западные, Хэвергол,
Люк Хэвергол.

Перевод А. Кавериной

The clerks

I did not think that I should find them there
When I came back again; but there they stood,
As in the days they dreamed of when young blood
Was in their cheeks and women called them fair.
Be sure, they met me with an ancient air, —
And yes, there was a shop-worn brotherhood
About them; but the men were just as good,
And just as human as they ever were.

And you that ache so much to be sublime,
And you that feed yourselves with your descent,
What comes of all your visions and your fears?
Poets and kings are but the clerks of Time,
Tiering the same dull webs of discontent,
Clipping the same sad alnage of the years.

Служащие

Не ожидал, что там же их застану,
Когда вернулся, но они все здесь.
Питали прежде дамы интерес
К ним, и дни младости хранит их память.
Они сплотились ветхим духом братства,
Меня, конечно, встретили, как встарь;
Все те же добряки, при них мораль —
Нетронутое временем богатство.

Вы, знатный род, трясетесь над гербом,
Вас, одаренных, тянет ввысь. Видна
Вам истина сквозь страхов, взглядов призму?
Поэт иль царь — такой же раб Времен,
Такой же серой их выходит ткань,
Длина — аршин — унылым, жалким жизням.

Перевод А. Кавериной

The world

Some are the brothers of all humankind,
And own them, whatsoever their estate;
And some, for sorrow and self-scorn, are blind
With enmity for man's unguarded fate.

For some there is a music all day long
Like flutes in Paradise, they are so glad;
And there is hell's eternal under-song
Of curses and the cries of men gone mad.

Some say the Scheme with love stands luminous,
Some say't were better back to chaos hurled;
And so't is what we are that makes for us
The measure and the meaning of the world.

Мир

Один для всех людей на свете брат —
И эта принадлежность всё, что есть.
Другой корит себя, что виноват,
И за судьбу вынашивает месть.

Для одного – симфония звучит,
Небесных флейт торжественная мощь,
Но рокот ада в эти звуки влит,
Стенанья тех, кому нельзя помочь.

Одни твердят, что Замысел в любви,
Другим отрадней к хаосу свернуть —
Но все явились в этот мир людьми,
Чтоб составлять число его и суть.

Перевод В. Эля

Charles Carville's eyes

A melancholy face Charles Carville had,
But not so melancholy as it seemed,
When once you knew him, for his mouth redeemed
His insufficient eyes, forever sad:
In them there was no life-glimpse, good or bad,
Nor joy nor passion in them ever gleamed;
His mouth was all of him that ever beamed,
His eyes were sorry, but his mouth was glad.

He never was a fellow that said much,
And half of what he did say was not heard
By many of us: we were out of touch
With all his whims and all his theories
Till he was dead, so those blank eyes of his
Might speak them. Then we heard them, every word.

Глаза Чарльза Карвилла

Печальный вид имел всегда Чарльз Карвилл,
Хотя для тех, кто лучше знал его,
Улыбку на лице себе оставил,
Смягчая тем грусть взгляда своего.
В глазах его ни радости, ни страсти,
Они всегда печальны и грустны,
Его улыбка светится так счастьем,
Его глаза печальны и пусты.

Живя, он много слов не говорил,
И половину слов не разбирали;
Казался странным нам, пока он жил;
И мы его всегда не понимали,
Пока не умер он. И в этот раз
Слова услышим опустевших глаз.

Перевод А. Корякова

Atherton's gambit

The Master played the bishop's pawn,
For jest, while Atherton looked on;
The master played this way and that,
And Atherton, amazed thereat,
Said "Now I have a thing in view
That will enlighten one or two,
And make a difference or so
In what it is they do not know."

The morning stars together sang
And forth a mighty music rang —
Not heard by many, save as told
Again through magic manifold
By such a few as have to play
For others, in the Master's way,
The music that the Master made
When all the morning stars obeyed.

Atherton played the bishop's pawn
While more than one or two looked on;
Atherton played this way and that,
And many a friend, amused thereat,
Went on about his business
Nor cared for Atherton the less;
A few stood longer by the game,
With Atherton to them the same.

The morning stars are singing still,
To crown, to challenge, and to kill;
And if perforce there falls a voice
On pious ears that have no choice
Except to urge an erring hand
To wreak its homage on the land,
Who of us that is worth his while
Will, if he listen, more than smile?

Who of us, being what he is,
May scoff at others' ecstasies?
However we may shine to-day,
More-shining ones are on the way;
And so it were not wholly well
To be at odds with Azrael, —
Nor were it kind of any one
To sing the end of Atherton.

Гамбит Атертона

Магистр сыграл слоновой пешкой
Не ради смысла, а в насмешку.
Сыграл магистр, и Атертон
Был ходом крайне изумлен,
Сказав, пугаясь и бледнея:
«Теперь есть новая идея,
И всех немудрых просветит
Мой занимательный гамбит!»

И восходящие звезды плавно
Сливались с музыкой органа,
Ее магический поток
Слышит не молодой игрок,
А тот, кто, как Магистр, в насмешку
Толпу заводит на поддержку
В момент, побеждена когда
Восходящая звезда.

И Атертон слоновой пешкой
Сыграл, соперники, опешив,
Понять не могут суть идеи.
Толпой на партии глазают
Ошеломленные друзья.
Движенья мастера лова...
И лишь немногие в игре
С трудом держались наравне.

И восходящие звезды вновь
Бросают вызов, кипит кровь...
И если благородный слух
Невольно слышит дерзкий звук,
Тогда какой из нас игрок
С собою совладать бы смог,
На его месте оказаться
И над собою посмеяться?

На его месте кто из нас
Готов принять толпы экстаз?
И кто из нас бы мог смириться,
Когда звезда других искрится?
И было бы совсем не мило
Кичиться перед слабым силой,
И было бы сквернейшим тоном
Петь в честь побед над Атертоном.

Перевод А. Чернышева

Ballade of a ship

Down by the flash of the restless water
The dim White Ship like a white bird lay;
Laughing at life and the world they sought her,
And out she swung to the silvering bay.
Then off they flew on their roystering way,
And the keen moon fired the light foam flying
Up from the flood where the faint stars play,
And the bones of the brave in the wave are lying.

'T was a king's fair son with a king's fair daughter,
And full three hundred beside, they say, —
Revelling on for the lone, cold slaughter
So soon to seize them and hide them for aye;
But they danced and they drank and their souls grew gay,
Nor ever they knew of a ghoul's eye spying
Their splendor a flickering phantom to stray
Where the bones of the brave in the wave are lying.

Through the mist of a drunken dream they brought her
(This wild white bird) for the sea-fiend's prey:
The pitiless reef in his hard clutch caught her,
And hurled her down where the dead men stay.
A torturing silence of wan dismay —
Shrieks and curses of mad souls dying —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.